

УДК 94(470.323).084

ББК 63.3(2Рос-4Кус)622

**Мотивация активного коллаборационизма
среди населения Курской области
в период немецкой оккупации (1941–1943 гг.)**

С.В. Богданов¹, Б.С. Мартынов²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

² Администрация Губернатора Белгородской области (Белгород, Россия)

**The Motivation of Active Collaboration
of the Population of the Kursk Region
during the German Occupation (1941–1943)**

S.V. Bogdanov¹, B.S. Martynov²

¹ Belgorod National State University (Belgorod, Russia)

² The Administration of the Belgorod Region Governor (Belgorod, Russia)

Анализируются причины и мотивация перехода отдельных советских граждан на сторону нацистской Германии в период Великой Отечественной войны. Основным источником для написания данной статьи послужили материалы архивно-уголовных дел Управления КГБ СССР по Белгородской области в отношении лиц, которые в период временной оккупации региона добровольно поступили в гражданские и репрессивные органы власти, созданные немецкими захватчиками и их союзниками. Выяснено, что основными причинами, подтолкнувшими отдельных советских граждан перейти на службу нацистской Германии, явились ненависть к советской власти, желание отомстить за родных и близких, стремление выслужиться перед оккупационными властями, авантюристические и преступные наклонности. Установлено, что при назначении на начальствующие должности в репрессивные органы (городскую, районную полицию, жандармерию), коллаборационистские органы гражданского управления (городские головы, бургомистры, начальники отделов, старшины) на территории юго-восточных районов Курской области руководством немецких оккупационных властей и разведывательных органов во внимание принималось искреннее желание служить интересам гитлеровской Германии.

Ключевые слова: нацистский оккупационный режим, «новый порядок», коллаборационизм, измена Родине, Курская область, мотивация предательства.

The article analyzes the reasons and motivation for some Soviet citizens' desertion to Nazi Germany in the Great Patriotic War. The article is based on archival materials of criminal cases of the KGB of the USSR in the Belgorod region in relation to persons who in the period of temporary occupation of the region volunteered to the civil and repressive bodies established by the German invaders and their allies. It was found that the main reasons which prompted some Soviet citizens to serve for Nazi Germany were hatred of the Soviet regime, the desire to avenge their relatives and friends, the desire to curry favor with the occupation authorities, reckless and criminal propensities. It was stated that in the appointment for the chief of positions in repressive bodies (city, district police, gendarmerie) collaborationist organs of civil government (mayor, mayors, heads of departments, foremen) in the south-eastern districts of the Kursk region, the leadership of the German occupation authorities and intelligence authorities took into consideration the sincere desire to serve the interests of Nazi Germany.

Key words: Nazi occupation regime, "new order", perfidy, treason, Kursk region, motivation of betrayal.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-05

Последнее десятилетие развития российской историографии Великой Отечественной войны характеризуется значительным ростом интереса к вопросам коллаборационизма. Проблематика данных работ различна и по кругу рассматриваемых вопросов, и по географическому охвату. Не остались без внимания проблемы перехода отдельных советских граждан на сторону нацистской Германии в период временной оккупации Курской области.

Среди курских специалистов, которые с середины 1990-х гг. начали активно разрабатывать данные «белые пятна» отечественной истории, можно назвать С.А. Никифорова, А.В. Шевелева, В.В. Коровина, А.Р. Бормотову [1–4].

Однако данные исследования преимущественно базировались на материалах собственно города Курска, отдельных архивных материалах 4-го Управления НКВД по Курской области. После выделения в 1954 г. Белгородской области из состава Курской области все уголовные дела по обвинению граждан, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями, оказались подведомственными Управлению КГБ СССР по Белгородской области. Реконструировать причины измены Родине, на которую пошли отдельные советские граждане в период временной оккупации германскими войсками Курской области, представляется возможным только при знакомстве с материалами соответствующих архивно-уголовных дел.

Настоящая статья основывается на материалах рассекреченных архивно-уголовных дел бывших активных пособников немецких оккупантов и их союзников, расследованных следователями государственной безопасности в отношении лиц, перешедших на сторону нацистской Германии в период оккупации юго-восточных районов Курской области.

Справедливости ради следует отметить, что причины поступления отдельных граждан на службу в гражданские и репрессивные органы власти, созданные на оккупированной территории СССР, неоднократно становились предметом особого интереса политического руководства страны и органов госбезопасности.

Было бы бессмысленно изображать Советский Союз предвоенных лет как государство абсолютно благоденствия, процветания и социальной гармонии. Напротив, среди населения страны существовал достаточно широкий спектр мнений о проводимой сталинским руководством внутренней и внешней политике. Причем определенное количество граждан негативно высказывалось по отношению к существующим порядкам в СССР.

Так, в докладной записке УНКГБ и УНКВД по г. Москве и Московской области № 1/344, подготовленной на имя заместителя наркома внутренних дел СССР В.С. Абакумова, о положении в г. Москве

в связи с началом войны 24 июня 1941 г. были представлены различные настроения советских людей по поводу нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Наряду с преобладающими патриотическими настроениями в широких народных массах органы государственной безопасности фиксировали и определенные негативные, а также пораженческие настроения среди отдельных советских граждан.

Вот отдельные негативные мнения.

«Гитлер забрал 5 городов, а от Киева и Одессы ничего не осталось. Наконец-то мы вздохнули легко. Через 3 дня Гитлер будет в Москве, и интеллигенция заживет по-хорошему» (Данилов, работник Райдортреста Сталинского района).

«Победа Советской власти в этой войне сомнительна. Если в 1919–1920 гг. народ шел за свободой, за свои права, то теперь ему не за кого умирать. Советская власть довела народ до крайнего озлобления» (Курбанов, начальник стройуправления «Интурист»).

«Крестьяне с радостью встретят весть о войне, так как она освободит их от ненавистных им большевиков и колхозов. Россия, хоть и сильна, но не для Германии, которая разбомбит ее мимолетно» (Мауритц, немка).

«...В тылу СССР много людей, которые ждут только сигнала к выступлению, и Гитлеру окажут большую помощь внутри страны» (Островский, педагог Института иностранных языков).

«Я рад этой войне с Германией. Германия, безусловно, в этой войне окажется победительницей, потому что в Советском Союзе моральное состояние народа крайне неудовлетворительное...» (Базанов, работник завода № 46).

«Наконец-то Гитлер услышал наши стоны и пошел защищать народ. Гитлер свой народ бережет и рабочих не губит. Война ему не страшна, он всех победит, и тогда мы ему расскажем, как народ жил при Советской власти» (Крюгер, механик райпромкомбината, Загорский район) [5, с. 70].

Это был своеобразный микросрез советского общества, в котором в предвоенное десятилетие были не только те, кто с одобрением относились к сталинскому курсу строительства социализма в одной отдельно взятой стране, но и те, кто оказались жертвами скоропалительного свертывания нэпа, раскулачивания в ходе коллективизации, лишенными избирательных прав, депортированными и пр. [6, с. 4–9; 7, с. 95–99; 8, с. 125–129; 9, с. 137–142].

Как показали последующие события, данные социальные слои, отдельные советские граждане и составили питательную среду для активного сотрудничества с немецкими оккупационными властями.

При анализе явления коллаборационизма на территории СССР в 1941–1944 гг. следует четко от форм вынужденного, а в некоторых случаях и доброволь-

ного сотрудничества с немецкими оккупационными властями отделять службу отдельных советских граждан в немецкой армии, жандармерии, зондеркомандах, вспомогательных полицейских подразделениях. Сюда же необходимо добавить агентуру немецких оккупантов и их пособников, выслеживавшую партизан, участников подполья, советских патриотов, бывших советских руководителей местного масштаба, антифашистски настроенных граждан.

На протяжении довольно продолжительного периода в СССР существовало и тиражировалось официальной пропагандой весьма упрощенное представление о мотивации активного пособничества немецким оккупантам в 1941–1944 гг.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны стали появляться воспоминания участников событий тех лет. Факты измены Родине, активное сотрудничество отдельных советских граждан с немецкими войсками также эпизодически упоминались в этих работах. Довольно часто это можно обнаружить в воспоминаниях бывших руководителей партизанского движения. Знакомство с данным видом исторических источников позволяет обратить внимание на серьезное упрощение проблемы активного сотрудничества с немецкими оккупантами.

В качестве одного из довольно типичных примеров воспользуемся мемуарами бывшего начальника штаба брянской партизанской бригады им. Щорса В.А. Андреева, который отмечал: «Нас, участников партизанской борьбы, до глубины возмущало то, что среди русских людей находились отщепенцы, которые шли на немецкую службу. Они вербовались из числа забудыг, преступников или кулацких отпрысков. Отыщут, бывало, гитлеровцы такого проходимца, назовут его полицейским, вручат ему бумагу с фашистским орлом и свастикой, дадут винтовку с одним-двумя патронами, и заново испеченный служака начинает властвовать» [10, с. 131].

Данный подход на протяжении 1945–1990 гг. в различных формах тиражировался в советском обществе, начиная от популярных телесериалов и заканчивая многотомными научными изданиями. Однако для сегодняшнего российского общества данный подход уже давно превратился в анахронизм, который совершенно не способен ответить на вопрос, какие мотивы подталкивали граждан к измене Родине.

Информационной базой для проведения настоящего исследования послужили материалы архивно-уголовных дел, расследованных сотрудниками Управления КГБ СССР по Белгородской области в послевоенный период в отношении советских граждан, обвиненных в сотрудничестве с немецкими захватчиками.

Активная работа правоохранительных органов по выявлению и задержанию бывших пособников оккупантов на территории Курской области

(Белгородская область была выделена из состава Курской области в 1954 г.) началась сразу же после изгнания немецких оккупантов. В справке, подготовленной Управлением НКГБ по Курской области, о проделанной работе по состоянию на 1 октября 1943 г. была представлена следующая информация. Всего было арестовано 13 552 человека, в т.ч. 381 агент немецких спецслужб, действовавший на территории области в период ее оккупации, 12 898 активных пособников фашистской Германии и бывших полицейских [11, л. 61].

В процессе расследования каждого уголовного дела накапливалась различная документация: протоколы допросов обвиняемых, свидетельских показаний, очных ставок, всевозможные экспертизы, трофейные документы, архивные материалы, справки и пр.

Наряду с выяснением многочисленных обстоятельств преступной деятельности подсудимого в период немецкой оккупации Курской области в 1941–1943 гг. следователи госбезопасности также выясняли причины и обстоятельства, которые способствовали переходу конкретного гражданина на сторону нацистской Германии.

Обобщим наиболее часто встречающиеся мотивы поступления отдельных советских граждан на службу к немецким оккупационным властям.

1. Страх наказания за дезертирство из рядов Красной Армии. Этот мотив довольно часто упоминается многими фигурантами уголовных дел по обвинению в измене Родине. Это, как правило, бывшие работники городских и районных полицейских органов, созданных немецкими оккупационными властями при содействии коллаборационистских органов гражданского управления.

Материалы архивно-уголовного дела в отношении одного из активных пособников немецких оккупантов в г. Валуйки (одного из районов Курской области) Капустина, впоследствии арестованного органами государственной безопасности, позволяют реконструировать первые шаги будущих руководителей Валуйской полиции — Салосина, Чернокалова и самого Капустина.

Капустин в сентябре 1941 г., будучи призван в Красную армию, с командой был направлен в часть. По пути к месту прохождения военной службы Капустин по договоренности со своими односельчанами, также призванными в армию, Салосиным Д., Чернокаловым В. и Трегубовым В. из команды дезертировали и, скрываясь от органов советской власти, организовали банду и под руководством Салосина совершили ряд грабежей и убийств советского, партийного актива.

В мае 1942 г. контрразведкой 21-й армии Капустин был арестован, но 15 июня 1942 г. из-под стражи бежал и скрывался в Валуйском районе до временной

его оккупации немецкими войсками. В июле 1942 г. поступил на службу вначале заместителем начальника Валуйской тюрьмы по хозяйственной части, а затем полицейским валуйской райполиции [12, л. 299–300].

2. Желание спастись от голода, приспособиться или сделать карьеру при новой власти. Среди данной категории довольно часто встречались служащие городских управ, магистратур.

3. Реализация собственных преступных наклонностей.

Деятельность бывшего начальника валуйской полиции Салосина убедительно свидетельствует о его преступной сущности. Один из таких эпизодов рассказал во время допроса бывший следователь валуйской полиции Курчевский: «Первые задания я получил от Салосина — делать обыск у гражданина, проживающего вверх от тюрьмы по той же улице. Этот гражданин держал чайную, обыск делался, очевидно, с целью грабежа. Я об этом сужу потому, что, когда я с двумя-тремя полицейскими делал обыск, то мы откладывали ценные вещи. Но забирать мы ничего не стали, а затем в тот же дом пошел Салосин. Впоследствии я на нем видел плащ, ранее принадлежавший этому гражданину» [13, л. 91].

4. Мечь. В отдельных архивно-уголовных делах обвиняемые в качестве основной причины поступления на службу гитлеровской Германии указывают на свое желание отомстить за действия советской власти, отдельных должностных лиц в отношении своих родных, близких, иногда себя лично.

В качестве одного из примеров приведем выдержку из протокола допроса старшим оперуполномоченным ОКР «СМЕРШ» 84 РАБ капитаном Нелюбовым Мирошниченко Павла Петровича, 1914 года рождения, который направил на имя начальника особого отдела воинской части п/п № 22685 письмо от 22 марта 1945 г., в нем раскрывалось прошлое его сослуживца, активно сотрудничавшего в период оккупации с местной полицией, Николаева Б.М.

Мирошниченко знал Николаева с 15 января 1942 г. по совместной работе на электростанции в г. Белгороде. «Николаева могу охарактеризовать как антисоветского человека, ярко настроенного против советской власти. В своих высказываниях в беседе со мной Николаев говорил, что как только немцы дойдут до Волги, я поеду в свое село и отберу свое хозяйство и мельницу, которое у меня было изъято в период раскулачивания. Брат мой уже отомстил и за себя, и за меня, избив до полусмерти председателя сельсовета» [14, л. 72].

Еще один из очень красноречивых примеров мотива ненависти к советской власти и желания отомстить был выявлен в протоколе допроса бывшего начальника полиции одного из районных центров Курской (в последующем Белгородской) области. Начальник Старооскольской городской полиции Петров Нестор

Арефьевич, 1905 года рождения, уроженец станицы Луга Ворошиловградской области, украинец, гражданин СССР, сын бывшего кулака, грамотный.

Петров был арестован 4 февраля 1946 г. и приговором военного трибунала войск МВД Курской области от 22 ноября 1946 г. по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осужден к высшей мере наказания. Приговор был утвержден всеми инстанциями.

Приведем отрывок из показаний Петрова во время допроса от 15 июля 1946 г., который довольно подробно раскрывает мотивацию его преступной деятельности.

«По социальному происхождению я сын крестьянина, бывшего кулака. Я и мои братья росли в семье враждебно встретивших Октябрьскую революцию и установление советской власти, в результате братья мои в те годы в рядах белогвардейцев участвовали в вооруженной борьбе против советской власти.

Последующие репрессии, проводимые против моих родственников и лично меня, обостряли мои антисоветские взгляды. Однако, чувствуя свое бессилие в проведении какой-либо антисоветской работы, я вынужден был маскироваться и приспосабливаться, вынашивая в себе всю злобу и ненависть к советской власти.

Нападение Германии на СССР я встретил с восторгом и злорадствовал по поводу первоначальных успехов немецкой армии. Я считал, что наконец-то советская власть немцами будет свергнута и будет опять восстановлен капиталистический строй, где «мы — пострадавшие от советской власти» будем пользоваться почетом и уважением» [15, л. 120].

Еще один из примеров мести за своих близких. Из протокола допроса бывшего помощника начальника полиции города Белгорода Г. Федоровского от 13 февраля 1959 г.: «Мои родители: отец — Федоровский Илларион Артамонович; мать — Федоровская Елена Захаровна в прошлом проживали в Белгороде, Харькове и Славянске. Отец умер в 1928 г., мать — в 1931 г., родители проживали примерно с 1918 г. Они владели горшечной и сенной лавками. В 1922 или в 1923 году, а возможно, и позднее у отца за неуплату налогов был конфискован дом. Тогда же отец и мать лишились избирательных прав. При поступлении в полицию я руководствовался мотивом. Я думал, что немцы обосновались здесь окончательно, что Советской власти здесь больше не будет. Меня вполне устраивал режим, установленный немецкими оккупационными властями.

Будучи недовольным Советской властью за репрессии в отношении моего отца и моей матери, я поступил на службу в полицию, понимая, что эта служба предоставляет мне возможности для борьбы против Советской власти и укрепления «нового порядка», который насаждался немцами» [16, л. 29–36].

Итак, мотивация перехода на сторону нацистской Германии отдельных советских граждан в годы Великой Отечественной войны была разнообразной. Однако можно обнаружить одну закономерность — немецкие оккупационные власти на руководящие

должности в коллаборационистские органы власти на территории Курской области подбирали лиц, которые могли их убедить в своем искреннем желании бороться против советской власти, а также верой и правдой служить германскому «новому порядку».

Библиографический список

1. Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2003.
2. Шевелев А.В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2004.
3. Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области : дис. ... д-ра ист. наук. — Курск, 2008.
4. Бормотова А.Р. Основные особенности развития печати в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Курской области) // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. — Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — № 1 (72). — Т. 13.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. документов. — Т. 2. — Кн. 1. — М., 2000.
6. Футорянский Л.И. Казачьи части на фронтах Второй мировой войны // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2005. — № 9.
7. Напсо Н.Т. Северокавказские воинские формирования в германских вооруженных силах (1941–1945 гг.) // Казанская наука. — 2010. — № 8.
8. Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития. Исторические науки. — 2013. — № 3.
9. Синицын Ф.Л. Депортации народов как фактор дестабилизации этнической ситуации в Поволжском, Кавказском и Крымском регионах СССР (1941–1944 гг.) // Информационная безопасность регионов : Научно-практический журнал. — 2011. — № 2 (9).
10. Андреев В. Народная война. — М., 1949.
11. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 5 (1945).
12. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (АУФСБ РФ по Белгор. обл.). — АУД № 13132. — Т. 4.
13. АУФСБ РФ по Белгор. обл. — АУД № 13132. — Т. 2.
14. АУФСБ РФ по Белгор. обл. — Ф. 12. — АУД № 11183. — Т. 8.
15. АУФСБ РФ по Белгор. обл. — Ф. 13. — АУД № 9736. — Т. 1.
16. АУФСБ РФ по Белгор. обл. — Ф. 12. — АУД. № 11183. — Т. 1.